

В.Г. Вовина-Лебедева, М.М. Кром

Предисловие

Этот сборник, посвященный Виктору Моисеевичу Панеяху, является вторым. Первый был издан к его 75-летию¹. Сейчас, увы, мы выпускаем сборник памяти. В.М. Панеях ушел из жизни 19 июля 2017 г., и после этого появилось уже несколько статей, посвященных его биографии и научному творчеству². Поэтому мы лишь кратко напомним основные вехи жизни Виктора Моисеевича для тех читателей, кто не знал нашего дорогого учителя, друга и коллегу.

В.М. Панеях родился 30 июня 1930 г. в Саратове. Его мать была учительницей русского языка и литературы, а отец экономистом. В том же году семья переехала в Ленинград. Б.В. Ананьич и А.А. Фурсенко — друзья В.М. Панеяха — писали: «Он родился в интеллигентной ленинградской семье, жил в центре города, на Невском проспекте, с ранних лет увлекался литературой, театром и шахматами. Он застал еще то время, когда Невский проспект не был просто главной городской магистралью

---

¹ Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006.

² Они учтены в библиографическом перечне, помещенном в конце данной книги.

с забитой машинами проезжей частью и разношерстной толпой на тротуарах»³. Когда началась Великая Отечественная война, ему исполнилось 11 лет, отец воевал, а он с матерью три года провел в эвакуации в Ярославской области, потом в Саратове и Казани. Об этих городах Виктор Моисеевич потом говорил с любовью и хорошо их помнил.

Летом 1944 г. мать с сыном вернулись в Ленинград, там и встретили День Победы. Случайно сохранилась фотография ликующих людей на Аничковом мосту 9 мая 1945 г., и среди других объектив фотокорреспондента запечатлел мальчика в кепке — это В.М. Панеях, узнавший об этом фото лишь много лет спустя (см. вклейку, фото 3). После войны он окончил школу; кстати, учился в последних классах плохо, не старался, в основном был увлечен общением со сверстниками и романами со сверстницами, о чем сам не раз вспоминал, поэтому школу окончил с трудом⁴.

Но колебаний в выборе профессии не было. Об этом вспоминал как он сам, так и его друзья⁵. Большую роль в том, что Виктор Моисеевич стал историком, сыграл его старший двоюродный брат Л. Е. Кертман, обзор писем к которому, написанных на протяжении всей жизни, мы помещаем в этом сборнике. В. М. Панеях поступил на исторический факультет Ленинградского университета в 1948 г. И тут произошло событие, повлиявшее на всю его дальнейшую жизнь. Он познакомился с профессором Борисом Александровичем Романовым и стал его учеником. Учитель был талантливым ученым и преподавателем, но самое главное — незаурядной личностью, общение с которой оставило отпечаток на всех, кто его знал, особенно на учениках. Они стали выдающи-

---

³ *Ананьич Б.В., Фурсенко А.А.* Историк России — В.М. Панеях // *Времена и судьбы: сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха.* СПб., 2006. С. 9–12.

⁴ *Вовина-Лебедева В.Г.* Попытка самоанализа: о несостоявшихся мемуарах В.М. Панеяха // *Петербургский исторический журнал.* 2018. № 4 (20). С. 236–237.

⁵ Там же. С. 237; *Ананьич Б.В., Фурсенко А.А.* Историк России — В.М. Панеях. С. 9.

мися историками, а достижения учеников многое говорят об учителе.

Б. А. Романов дал В. М. Панеяху научную тему, которой тот занимался потом большую часть жизни, — историю холопства московского периода. Но дело не только в этом. Влияние учителя на Виктора Моисеевича было гораздо глубже и не ограничивалось только наукой. Фигура Б. А. Романова, умершего, когда В. М. Панеях только поступил в аспирантуру, как будто окружила его какой-то аурой. И с течением времени, как нам представляется, эта аура не тускнела, а только усиливалась. Не случайно со временем он начал писать статьи, а затем издал книгу о жизни Б. А. Романова, опубликовал его переписку с Е. Н. Кушевой. Исследование петербургской исторической школы, вообще истории исторической науки, также было обусловлено, конечно, стремлением лучше понять личность учителя, раскрыть секрет его силы, показать всем этого удивительного человека.

В архиве В. М. Панеяха сохранилось два небольших листка с текстом, написанным рукой Б. А. Романова, под заглавием «Выступление Б. А. Романова на защите диплома Панеяхом». Приведем его полностью, чтобы дать читателям хотя бы немного почувствовать личность Б. А. Романова и характер его отношений с В. М. Панеяхом⁶.

«То, что произошло сейчас, — подготовлено, подстроено мною...⁷

На I курсе мальчик имел две основы:

- 1) страсть к полемике, причем великолепная способность сохранять тон вежливой наглости (что продемонстрировал и сегодня);
- 2) страсть к виражам и восьмеркам в теоретических вопросах — вертится и так, и этак, бесстрашно. А просто: а что из этого выйдет? Это видно по сегодняшней пятой главе, где — ничего не вышло. Но видите, не смущается!

---

⁶ Этот и другие материалы из архива В. М. Панеяха сейчас находятся в стадии описания, цитируем их с разрешения Аллы Викторовны Панеях.

⁷ Многозначия здесь и далее принадлежат самому Б. А. Романову.

Его нельзя было упустить из Университета рядовым специалистом, надо было подсадить в науку... Сегодняшняя работа выпущена к публике в непричесанном, намеренно вихрастом виде. Ну, и оттаскали за вихры.

Но если бы все в ней было *zierlich-manierlich und ganz akkurat*⁸ и если бы я был мужественным человеком, я бы повесился вчера. И даже подход бы за два дипломные года “причесанного” Панеяха.

Ему была предоставлена полная свобода: сам выбрал тему, сам написал 5 глав — мне хоть 5, хоть 17 — сам себе хозяин.

Сегодня было интересно — задерется Витька или нет, — не задрался, а обогатился замечаниями, и потому я — именинник: я же это подстроил — а имениннику полагается шоколад и конфеты... но вместо них я лучше поговорю. Оппоненты задрались с др[уг] с др[угом] — это лучший комплимент дипломанту: сумел бросить такую кость, что выявились полемические инстинкты и получился дипломный диспут. Опубликовывать целиком — рано: нельзя ему еще иметь собственную брошюрку — зазнаётся очень — ведь и так здóрово задается!»

В этой речи кажется самой важной фраза о том, что Виктора Моисеевича «надо было подсадить в науку». И Б. А. Романов сделал это мастерски: учтя характер своего ученика, предоставил ему свободу, не мучил мелочной опекой и замечаниями по пустякам, позволил выразить себя так, как тому хотелось, не побоялся выставить его работу в «непричесанном виде». В. М. Панеях это тоже понимал. И позднее в общении со своими собственными учениками он старался выдержать ту же манеру уважительного и беспристрастного отношения к тому, что они писали. Но, конечно, он был другим человеком и не старался, да и не мог бы копировать своего учителя. Темперамент и взрывной характер Виктора Моисеевича (которые почувствовал и так замечательно охарактеризовал Б. А. Романов) проявляли себя в общении с нами: это было всегда интересно, хотя

---

⁸ Устойчивое выражение, распространенное (с ироничным оттенком) в разговорной речи XIX — нач. XX в., означает: изысканно, церемонно и очень точно.

не всегда приятно и лестно для критикуемых (а иногда и стираемых в порошок). И еще: как и Б. А. Романов, В. М. Панях никогда не жалел времени на чтение работ коллег и учеников, мог часами говорить о них, никогда не относился к ним формально. Поэтому мы с благодарностью принимали критику, иногда язвительные, но всегда доброжелательные и полезные замечания. После разговора с Виктором Моисеевичем хотелось скорее бежать к письменному столу, сесть за компьютер и улучшаться, исправляться, а некоторым — даже перерождаться, и заслужить, наконец, его похвалу.

Б. А. Романов поставил себе целью взять в Ленинградское отделение Института истории, где он работал сам, лучших своих учеников, в том числе В. М. Паняха. Так в ЛОИИ оказались Н. Е. Носов, А. А. Фурсенко, Р. Ш. Ганелин, Б. В. Ананьич, и последним из учеников Б. А. Романова был принят В. М. Панях. Кроме того, в ЛОИИ пришли еще многие их однокурсники и сверстники. Ведь в 1956 г. Ленинградское отделение было воссоздано после закрытия в 1953 г., «возродилось, как феникс», по выражению Е. Н. Кушевой, и туда сразу же была набрана большая группа молодых работников. Это было блестящее поколение в науке, и В. М. Панях стал одним из наиболее ярких его представителей.

Его карьера складывалась непросто по многим причинам. Во-первых, он был евреем, и это сразу же ограничивало или просто отсекало многие сферы деятельности и, между прочим, затруднило в свое время его прием в аспирантуру ЛОИИ⁹. Далее — характер Виктора Моисеевича был таков, что далеко не все могли полюбить его так преданно, как любили мы — его ученики и друзья. Он не боялся скандалов, даже сам неоднократно инициировал их, стремясь выявить подноготную событий, извлечь из тени побудительные мотивы поступков людей, что, естественно, не всем нравилось. Но когда потребовалось избрать представителя от ЛОИИ для участия в общем собрании РАН, сотрудниками был избран именно В. М. Панях, и он

⁹ См. об этом: *Ананьич Б. В., Фурсенко А. А.* Историк России — В. М. Панях. С. 11.

занимал эту позицию на протяжении многих лет. А. А. Зимин, долгие годы бывший близким другом Виктора Моисеевича, писал о нем в таком стиле: «В Ленинграде за Виктором Моисеевичем укоренилось прозвище “наша совесть”. Иногда говорят, что у Панеяха всегда “принципы”...»¹⁰

Мы не будем подробно рассказывать здесь о книгах и статьях В. М. Панеяха, адресуя читателей к имеющейся литературе о нем¹¹. Упомянем лишь, что в его научном творчестве ясно выделяется несколько тем. Прежде всего, это история холопства в Московской Руси — об этом им написано три монографии, большое количество статей и комментариев к источникам. Уже выходом первых работ он сразу же заявил о себе как о наследнике Б. А. Романова и петербургской исторической школы, а к концу жизни воспринимался как крупнейший специалист по истории холопства на Руси. С этим исследовательским интересом было связано участие В. М. Панеяха в таких значительных проектах, как издание «Законодательных актов Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.» и Соборного уложения 1649 г. Эти работы дали ему опыт, который, в частности, пригодился, когда В. М. Панеях писал трудный для него (как он сам признавался) раздел о допетровской Руси в книге «Власть и реформы. От самодержавия к советской России». А владение навыками критического издания средневековых текстов было использовано при публикации памятника совершенно другой эпохи — «Академического дела» 1929–1931 гг.

Второй большой темой начиная с 1960-х годов стала история Пугачевского восстания. В. М. Панеях принял активное участие как автор и как ответственный редактор в написании второго и третьего томов труда «Крестьянская война в России в 1773–1775 годах». Во многом благодаря ему эти части были ориенти-

---

¹⁰ Зимин А. А. Отрывок из воспоминаний // *Времена и судьбы...* С. 13.

¹¹ См., например: *Вовина-Лебедева В. Г.* Виктор Моисеевич Панеях // *Времена и судьбы...* С. 16–34; *Ростовцев Е. А.* В. М. Панеях как историограф и историк науки // *Петербургский исторический журнал*. 2018. № 4 (20). С. 247–263.

рованы на анализ источников по теме «пугачевщины». И хотя позднее В. М. Панеях постепенно отошел от данного сюжета, он продолжал следить за новой литературой, поддерживать исследователей, которые разрабатывали различные сюжеты по истории восстания, оппонировал диссертации на эту тему.

Третьим направлением исследовательских интересов стала историография. Виктор Моисеевич любил это понятие, любил анализировать развитие исторической науки и полагал это «высшим пилотажем» исследовательского мастерства. Он писал и об историографии частного акта, и о научном творчестве своих коллег и друзей, таких как А. А. Зимин и В. Б. Кобрин. Но главным интересом стала петербургская историческая школа, в особенности фигура его учителя Б. А. Романова.

Предоставим еще раз слово Б. В. Ананьичу и А. А. Фурсенко: «Как историк В. М. сформировался под влиянием культуры и традиций петербургской исторической школы с ее особенно строгим отношением к критике и публикации источника. Следы влияния этой школы в полной мере проявились и в педагогической деятельности В. М., и в его замечательной монографии “Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов” (СПб., 2000)»¹².

Для В. М. Панеяха было важным, что именно Б. А. Романов привел его в Ленинградское отделение института истории. С тех пор ЛОИИ (а потом — СПбИИ РАН) было домом Виктора Моисеевича, в поддержании и сохранении которого он принимал непосредственное участие. Виктор Моисеевич не отделял себя от института. ЛОИИ было таким, каким мы знали его долгие годы, во многом потому, что там находился В. М. Панеях, и, конечно, другие незаурядные ученые и замечательные люди его поколения. Он прожил жизнь рядом и вместе с этими людьми. В 1993 г. — стал руководить Отделом древней истории России, занимал этот пост двенадцать трудных лет, а потом сам оставил его, решив, что нужно дать дорогу более молодым. В последние годы В. М. Панеях перешел на должность консультанта — и это

---

¹² Ананьич Б. В., Фурсенко А. А. Историк России — В. М. Панеях. С. 12.

тоже было его принципиальным решением и шагом, который не всякий может предпринять.

Но кроме ЛОИИ с середины 1990-х годов в жизни Виктора Моисеевича появился Европейский университет и с этих пор играл в ней очень важную роль. Общение с молодыми людьми, широкие возможности для того, чтобы передать им свои знания и умения, — все это придавало ему, как он сам признавался, «дополнительные силы и стимулировало к обновлению научных интересов»¹³.

Европейский университет в Санкт-Петербурге был основан в ноябре 1994 г. при активном участии мэра города А. А. Собчака. В 1995/1996 учебном году университет работал в формате Открытых аспирантских курсов, а летом 1996 г. была принята первая когорта слушателей, и в сентябре того же года начались регулярные занятия.

В. М. Панеях получил от ректора Б. М. Фирсова предложение стать деканом-организатором факультета истории ЕУСПб и написать программу обучения аспирантов. К этой новой для себя задаче Виктор Моисеевич отнесся со всей серьезностью.

Программа подготовки аспирантов была тщательно продумана. Работая над ней, В. М. консультировался с ведущими отечественными и зарубежными учеными. В частности, в архиве ЕУСПб сохранилась его переписка с известным американским историком, профессором Колумбийского университета Л. Хеймсоном, который высказал ряд замечаний по содержанию программы¹⁴.

Позднее, подводя предварительные итоги первого учебного года, декан-организатор в письме ректору так охарактеризовал основные идеи, положенные в основу программы факультета:

«При составлении программы, — писал В. М., — я руководствовался несколькими принципами:

---

¹³ Б. В. Ананьич и А. А. Фурсенко в указанной выше статье уже обратили внимание на эту фразу из книги В. М. Панеяха 2005 г. «Историографические этюды». См.: *Панеях В. М. Историографические этюды*. СПб., 2005. С. 7.

¹⁴ Архив АНООВО «ЕУСПб». Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 17. Д. 105, 115 (письма В. М. Панеяха Л. Хеймсону. 5 и 21 апреля 1995 г.).

- а) необходимостью восполнить пробелы высшего исторического и вообще гуманитарного образования;
- б) убеждением, что аспирантам необходимо преподавать в том числе те дисциплины, которые могут быть охарактеризованы в качестве инструменталистских и охватывать по возможности весь технический, методический и методологический арсенал, важный для исследовательской работы; я должен был принять во внимание тот непреложный факт, что методика и методология исторического исследования была выработана и продолжает совершенствоваться на материалах средневековой истории;
- в) желательностью привлечения для преподавания тех ученых, кто, как правило, ранее по разным причинам не работал или мало работал в вузах, и чья прежняя невостребованность или недостаточная востребованность в образовательный процесс нанесла зримый ущерб постановке высшего исторического образования в Петербурге»¹⁵.

В.М. Панеях по праву гордился тем, что ему удалось сформировать сильный преподавательский коллектив, в состав которого вошли ученые Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН и Санкт-Петербургского государственного университета.

Правда, в программе имелись и лакуны, которые В.М. Панеях изящно назвал «резервом для ее совершенствования»: в первое время на факультете не преподавались курсы по советской истории, и он объяснил это ректору тем, что ему пока «не удалось обнаружить в Петербурге ученых этого профиля, отвечающих тем стандартам, которые для себя установил ЕУ»¹⁶.

Проработав в должности декана-организатора менее полутора лет (официально — с 1 февраля 1996 г.), В.М. Панеях в конце июня 1997 г. покинул этот пост. Свое решение он мотивировал

---

¹⁵ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 2. Д. 47. Л. 108–109. Письмо В.М. Панеяха ректору Б.М. Фирсову. 30 апреля 1997 г.

¹⁶ Там же. Л. 109.

неизбежным ростом административной нагрузки в связи с предстоящим новым набором слушателей. По его мнению, в новых условиях деканом должен был стать «штатный преподаватель, имеющий длительные возрастные перспективы для занятия должности». Сам В. М. Панеях категорически отказался полностью перейти в штат ЕУСПб и расторгнуть трудовые отношения с Институтом истории, где проработал к тому времени более 40 лет.

«Должен признать, — писал В. М. Панеях ректору в апреле 1997 г., сообщая о предстоящем уходе с административного поста, — что работа декана потребовала от меня большой концентрации воли, интеллектуальных и нервных усилий. Я вел ее с большим напряжением сил, но и с энтузиазмом и с полным осознанием важности того дела, которым занимался, совершив при этом наверняка ряд ошибок»¹⁷. Письмо заканчивается словами: «Я покидаю пост декана в полной уверенности, что дело, в котором я принимал посильное участие на этапе его становления, чрезвычайно важно и имеет хорошее будущее»¹⁸.

Уйдя с поста декана, Виктор Моисеевич продолжил преподавать в ЕУСПб: читал лекции о судьбе петербургской исторической школы, вел диссертационный семинар, руководил аспирантами...

Факультет истории хранит благодарную память о своем декане-организаторе: в 2019 г. по инициативе одного из выпускников учрежден конкурс грантов имени В. М. Панеяха, которые ежегодно присуждаются лучшим студентам для занятий в архивах по темам их исследований.

При составлении сборника мы руководствовались двумя целями. Во-первых, нам хотелось сохранить в памяти живые черты личности Виктора Моисеевича, передать впечатления людей от общения с ним. Во-вторых, мы считали важным заново осмыслить творческое наследие В. М. Панеяха и проанализировать нынешнее состояние тех областей и направлений в исторической науке, которыми он в свое время плодотворно занимался.

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 113.

Указанными целями определяется структура сборника. В первом разделе приведены обширные фрагменты из писем В. М. Панеяха его двоюродному брату Л. Е. Кертману, ярко характеризующие становление ученого. Здесь же помещены воспоминания выпускников ЕУСПб о Викторе Моисеевиче как преподавателе и обзор автографов на книгах, подаренных ему коллегами и друзьями. Т. В. Сазонова обнаружила в Архиве СПБ ИИ РАН материалы научных дискуссий с участием В. М. Панеяха в аспирантские годы и дала их обзор.

Второй раздел содержит размышления о вкладе В. М. Панеяха в изучение таких тем, как формирование Московского государства в XV–XVI вв. и история российского казачества XVI–XVIII вв.

Последующие разделы посвящены современным исследованиям в тех областях, которые входили в круг научных интересов В. М. Панеяха: источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины, социально-экономическая история допетровской Руси, историография, история отечественной исторической науки.

Сборник заканчивается библиографическим списком трудов В. М. Панеяха и публикаций о нем.

В заключение мы выражаем признательность Санкт-Петербургскому институту истории РАН и факультету истории Европейского университета в Санкт-Петербурге за организационную и финансовую поддержку этого издания, а также благодарим коллег, оказавших нам помощь на разных этапах работы над сборником: директора Архива ЕУСПб Галину Георгиевну Лисицыну, старшего специалиста того же архива Елену Феликсовну Любомирову, сотрудника библиотеки СПБ ИИ РАН Елену Залковну Панченко, которая взяла на себя труд дополнения и редактирования списка работ Виктора Моисеевича. Благодарим также Аллу Викторовну Панеях за разрешение воспользоваться неопубликованными материалами из личного архива ее отца.